

10. Плавинский, Н.А. О хронологии мечей балтийских типов и их аксессуаров на Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова : материалы 57-го заседания. – М. – Псков, 2011. – С. 205–209.
11. Плавинский, Н.А. Очерки истории вооружения белорусских земель X–XIII веков / Н.А. Плавинский. – Київ, 2014. – 144 с.: ил.
12. Сагановіч, Г.М. Полацк і Нямецкі ордэн: ад вайны да васалітэта і саюза / Г.М. Сагановіч. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы V Міжнар. навук. канф. (24–25 кастрычніка 2007 г.) / Полацк. дзярж. ун-т. – Наваполацк : ПДУ, 2009. – С. 144–151.
13. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск, 1975. – 136 с., ил.
14. Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск, 1978. – 160 с., ил.
15. Creutz, K. Tension and Tradition. A Study of Late Iron Age Spearheads Around the Baltic Sea / K. Creutz. – Stockholm, 2003. – 520 p.
16. Mugarēvičs, Ē. Viduslaiku ciems un pils Salaspils novadā / E. Mugarēvičs. – Rīga, 2008. – 264 lpp.
17. Rackevičius, G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. / G. Rackevičius. – Vilnius, 2002. – 296 p., iliustr.
18. Strykowski, M. O początkach, wywodach, dzielnosciach, Sprawach rycerskich i domowych slawnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego / M. Strykowski. – Warszawa, 1978.

УДК 902:727.3.05-033.5

СТЕКЛО И ГУТА ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА КОНЦА XVI – НАЧАЛА XIX ВВ.

магістр іст. навук А.А. СОЛОВЬЁВ

Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, Полоцк

Исследуется один из аспектов материальной культуры и производственной деятельности полоцких иезуитов – стеклянные изделия и стеклоделие. Рассмотренный ассортимент найденной на территории коллегиума продукции, остатки стекольной гуты позволили проследить технологические особенности изготовления некоторых изделий на различных этапах их производства. На основе сопровождающих остатки гуты находок изразцов и фаянса был очерчен период существования данного производства на территории коллегиума. В ходе изучения найденных изделий проведена попытка выделения среди собранной в коллегиуме коллекции предметов, изготовленных в гуте, импортных изделий и продукции полоцких иезуитов.

С возрождением Полоцка после Ливонской войны тесно связано возобновление стеклоделия, традиции которого были утрачены в XIII в. – времени значительного ослабления Полоцка из-за постоянных войн и усобиц, нарушения давних культурных связей с восточно-славянским княжеством и Византией. Приток новых жителей, усиление влияния католической церкви благодаря заселению в городе иезуитов и монахов других католических орденов привели к активизации связей с Западной Европой (в основном через Польшу). Параллельно долгое время сохраняли позиции протестантские общины, ориентированные на Швецию (лютеране) и Голландию (кальвинисты). Влияние последних было ощутимо еще в первой половине XVII в. Таким образом, под влиянием европейских традиций происходят значительные изменения как в укладе жизни полоцчан, так и в ремесленном производстве – его организации, технологии, ассортименте изделий и росте количества специальностей, среди которых было и стеклоделие. Фактически к началу XVII в. Полоцк компенсировал большую часть потерь, нанесенных ему Ливонской войной. Это предопределило его новое возрождение, продолжавшееся до Русско-польской войны 1654 – 1656 гг. Очередное восстановление Полоцка началось только с середины XVIII в. и продолжалось до войны 1812 г. и шляхетского восстания 1830 – 1831 гг.

Возрождение стеклоделия было тесно связано с производством глазурованной керамики. Состав, рецепт и технология производства глазури и стекла практически аналогичны, и это обеспечивало сходство работы гончаров и стеклоделов. Но была и своя специфика. Благодаря широкому распространению залежей гончарной глины гончары имели возможность селиться непосредственно в городах, преимущественно на окраинах. В Полоцке это были Заполотье, Экимань. Отдельные мастерские, специализировавшиеся на небольших объемах производства, могли быть даже на территории Великого посада за городской стеной (например, плитницы или цагельни). Стеклоделам было сложнее – сырье для варки и производства стекла производилось в лесу. Он же был и источником топлива. Поэтому гуты (стекольные мастерские) ремесленники предпочитали располагать прямо в лесах или вблизи от них. Сказывалось и то,

что данное производство было пожароопасным. Поэтому выявление следов стекольного производства в городах – чрезвычайная редкость. Дороговизна городской земли и теснота городской застройки также не содействовали этому. Исключение могли составлять крупные юридики духовных и светских феодалов, которые не подчинялись городскому магистрату, например, территория иезуитского коллегиума. Сложно было и с транспортировкой готовой продукции. Хрупкие изделия, как и керамику, старались перевозить по рекам, чтобы избежать лишней тряски.

Тем не менее, спрос на стеклянные изделия постоянно возрастал. Это связано с развитием строительства – для новых домов требовалось оконное стекло. Зажиточных горжан, как и городскую элиту, часто не устраивала даже полихромная керамическая посуда. Тем более, что на изготовление стеклянной посуды требовалось значительно меньше времени, чем керамической. Стекло было более гигиеничным и представительным, чем керамика. Благодаря этому, оно становилось предметом импорта из-за границы, а также существенной статьёй доходов магнатов, которые создавали стекольные мануфактуры на территории Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского (наиболее известны Налибокская и Урецкая). Именно мануфактурное производство закладывало основы для продолжения дальнейшего развития стекольного производства Беларуси. Таким образом, начиная с XVIII в. стеклянные изделия стали вытеснять керамические из повседневного обихода. Обломки стеклянной посуды и оконного стекла этого периода стали таким же массовым материалом, как и керамика, при археологических раскопках в городах, замках и местечках.

Многолетние исследования Полоцкого иезуитского коллегиума дали обширный материал не только по ассортименту стеклянной продукции (часть находок уже сдана) [1 – 38, 39, с. 33 – 2; 40, с. 316 – 336], но и информацию по ее производству. В 2011 г. при усилении фундаментов бывшей иезуитской конюшни нами был обнаружен слой, содержащий остатки стекольного производства. При этом были выявлены не столько обломки стеклянных изделий, сколько остатки стекломассы, «баночки», заготовки для выдуваемых изделий, бракованные изделия и обрезки от пластины оконного стекла. Таким образом, на примере материалов Полоцкого иезуитского коллегиума были получены убедительные свидетельства стекольного производства на территории Полоцка и проанализирован ассортимент продукции иезуитской мастерской [41, с. 56].

Изучение полоцкого стекла обычно велось исследователями в контексте истории стекольного производства всей Беларуси. Уникальной находкой стали остатки гуты на бывшем подворье Мстиславского кармелитского монастыря. На основе данных материалов Н.Н. Яницкой, А.Б. Сташкевич в 1985 г. вышла статья «Мсціслаўскае шкло XVI – XIX стст.» [42, с. 83 – 93]. Также были изданы монографии Н.Н. Яницкой «Вытокі шкларобста на Беларусі» в 1980 г. и «Гісторыя шкляной вясёлкі» в 1986 г. [43], где на основе многочисленных письменных и археологических источников рассматривались вопросы технологии и специфики производства отдельных категорий изделий и ассортимент продукции стекольных заводов, устройство и организация их мастерских. Непосредственное отношение к изучению полоцкого стекла имеет монография Д.В. Дука «Полацк XVI – XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада» [44], где он приводит краткое описание и характеристику ассортимента полоцких изделий.

Жалованный грамотой Стефана Батория на основании в Полоцке иезуитского коллегиума последний был наделен обширными имениями как в Полоцком воеводстве, так и в самом городе. Поэтому в налаживании стекольного производства полоцкие иезуиты проблем не имели. Вместе с этим, вполне допустимо, что на первых порах существования коллегиума монахи могли закупать стекольную продукцию у полоцких гутников или привозить из Вильни, с которой у них были прочные связи. Исследования территории коллегиума позволило обнаружить много фрагментов изделий конца XVI – начала XIX вв. Но в ряде случаев датировать их крайне сложно, поскольку они были выявлены в перемешанном культурном слое и находились вне развалов или существующих построек.

Наиболее распространенными видами стеклянной посуды конца XVI – первой половины XVII вв. были склянки – сосуды для питья. Находимые в Полоцке и на территории коллегиума фрагменты этих изделий свидетельствуют, что это были цилиндрические тонкостенные сосуды с округлым краем венчика и нередко сильно вогнутым дном, напоминавшим полусферу или конус. Для устойчивости вокруг дна делался наклепной валик с приплюснутой нижней частью, который для прочности соединения имел вмятины. Тем самым обрамление дна сосуда напоминало лепестки цветка [9]. Нередко стенки подобных сосудов на середине высоты оплетались наклепными жгутами. Это препятствовало выскальзыванию склянки из рук. При этом жгуты делали как широкими, так и узкими. Дополнительно по ним могли наносить рифление, оно несло как художественную, так и практическую нагрузку, позволяя полужидкую стеклянную нить крепче закрепить на поверхности стенок. Для изготовления таких сосудов мастера применяли в основном одноцветное желтое и зеленое стекло различных оттенков [42, с. 87, 80: Рис. 6].

Поэтому можно считать уникальной находкой фрагмент склянки из бесцветного стекла, украшенный продольными белыми эмалевыми полосками, которые сходились в центре дна. Изделие было сделано явно на заказ или являлось привозным [10]. В культурном слое Полоцка данные изделия фиксируются в основном только в пластах конца XVI – первой половины XVII вв.

Довольно редким изделием можно считать тонкостенный конический стакан с ручкой. Сохранился фрагмент его дна со стенкой и частью самой ручки, которая ближе к телу сосуда имела расширение. Фрагменты аналогичных изделий хорошо известны по материалам раскопок Мстиславской стекольной гуты [42, с. 87, 89; Рис. 5]. С учетом обнаружения его вне развалов и существующих построек датировать его можно XVII – первой половиной XVIII вв.

Кварты на территории коллегиума представлены обломком верхней части изделия, найденного в перемешанном слое под корпусом «З» в 2010 г. Судя по широкому горлу, это изделие предназначалось для сыпучих веществ. Изделие было составным, горло его формовалось отдельно из 2 – 3 наборов на «баночку». Прямые наклонные плечики изделия позволяют считать его привозным из Мстиславля [42, с. 84].

Оконные стекла XVII – первой половины XVIII вв. представлены небольшими тонкими фрагментами, покрытыми толстым слоем патины. Обычно они имели различные оттенки зеленого цвета.

Наиболее богатый стекольный материал относится к середине XVIII – началу XIX вв. Он связан с активным каменным строительством и последующими реконструкциями существующего архитектурного ансамбля. Территория Великого посада, расположенная между валом Ивана Грозного, Черным ручьем (у подножия Верхнего замка), торговой площадью (Рынком) и склоном террасы между ул. Ильинской и Вознесенской (существовали в XVII – первой половине XVIII вв.), на десятки лет превратилась в огромную стройплощадку.

Именно с этим было связано и устройство в ее северо-западном углу стекольной гуты (рис. 1) [39, с. 56]. Остатки данного стекольного производства были обнаружены на значительной глубине (2,2 м) от существующего ныне дорожного покрытия. Относительно строящихся корпусов коллегиума найденная нами гута располагалась на окраине, в низине и почти у самой воды Черного ручья. Такое ее расположение было связано с пожароопасностью данного производства. Обычно это была деревянная постройка с высоким шатром над стекловаренной печью. К сожалению, следов самого сооружения проследить не удалось. От мастерской был прослежен только слой земли, содержащий как остатки стекломассы и полуфабрикаты изделий, так и обломки посуды и обрезки оконного стекла (рис. 2 – 4). Для ее изучения был зачищен участок стратиграфии культурного слоя на расстоянии 3 м от канализационного кирпичного тоннеля, проложенного иезуитами от корпуса «Г». Длина прослойки – около 4,0 м, но основная масса обломков стекла сконцентрирована на отрезке длиной около 1,5 м, толщина прослойки – около 0,15 – 0,2 м. Сверху слой от мастерской перекрывал мощный пласт темно-серой земли с кирпичным боем.

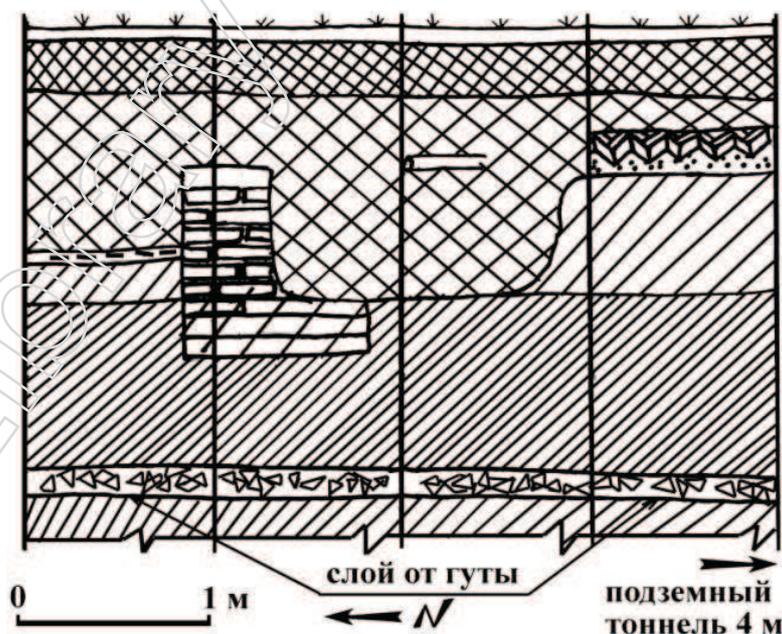

Рис. 1. Стратиграфия культурного слоя с прослойкой стекольного производства

В северной части данной прослойки концентрировались обломки проваренной стекломассы (рис. 2: 14, 15). Ее куски были различных оттенков полупрозрачного зеленого, желтого и бесцветного стекла [41, с. 56]. Кроме них там же были встречены «сосульки», которые образовывались при стекании излишков стекломассы как с края тигля (донницы), так и со стеклодувной трубки, или понтии, – массивного металлического стержня, на который насаживалось формируемое изделие (рис. 2: 1 – 5). После формовки сосудов (например, при обрезке их горлышек) из бесцветного стекла остались небольшие изогнутые обрезки с оплавленными и острыми краями, резкие углы которых были слегка скруглены (рис. 2: 6 – 13), тем самым напоминая древесную стружку. Судя по их размерам, они остались от изготовления кварт, обломки которых найдены там же.

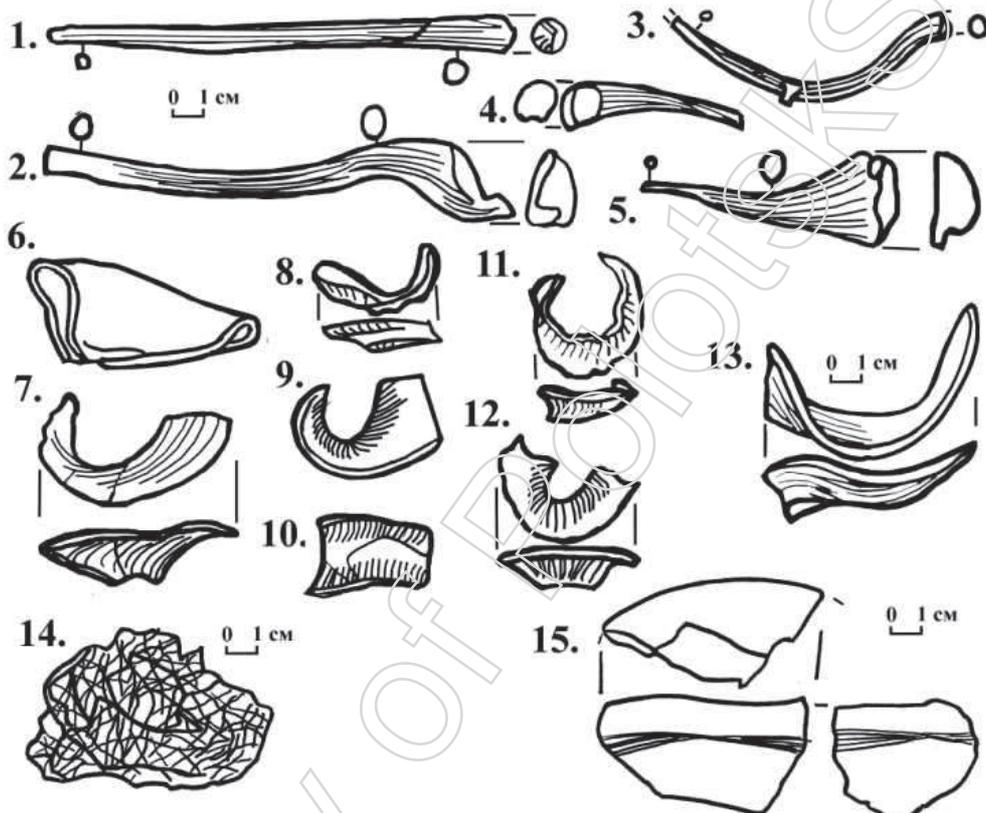

Рис. 2. Сосульки и обрезки стекломассы после формовки сосудов из гуты

Среди прочих полуфабрикатов надо указать несколько наборок («баночек») [43, с. 27] – порций стекла для выдувания сосуда, набираемых стеклодувной трубкой (рис. 3: 1 – 9). Данные находки трудно различимы среди находимых обломков стекольной массы. Одним из признаков являются отпечатки или понтии диаметром от 0,7 и 1,0 до 1,3 см, поверхность стекла в месте соприкосновения ее с металлом загрязнена и замусорена, напоминает пористую структуру губки. Судя по найденным обломкам «баночек» (длиной от 5,0 до 10,0 см и диаметром 5,0 – 7,0 см) в гуте в то время делали небольшие сосуды. Они не требовали больших порций стекломассы. В прослойке от гуты найдены «баночки» нескольких форм – шаровидные, грибовидные, каплевидные и комковидные, не имевшие определенных очертаний. Различается у «баночек» и структура их поверхности. Некоторые из них имеют следы кручения (рис. 3: 3, 5 – 7, 9), другие гладкие, некоторые покрыты мелкими трещинками. Нередко этот верхний слой полностью осыпался и под ним была гладкая поверхность (рис. 3: 10 и 11). За счет внешней поверхности, покрытой трещинками, стекло «баночек» на изломе выглядело двухслойным (рис. 3: 1 – 4). Причиной данного обстоятельства стало резкое охлаждение внешней поверхности заготовок. Часть найденных «баночек» имела значительные следы обработки в виде продолговатых полых капель со стенками толщиной до 1,0 – 1,5 см. Стекло найденных заготовок практически бесцветное, на изломе зеленоватое и визуально повторяет стекло обломков, найденных в слое кварт и чернильницы (рис. 4: 1, 2, 5, 6, 8).

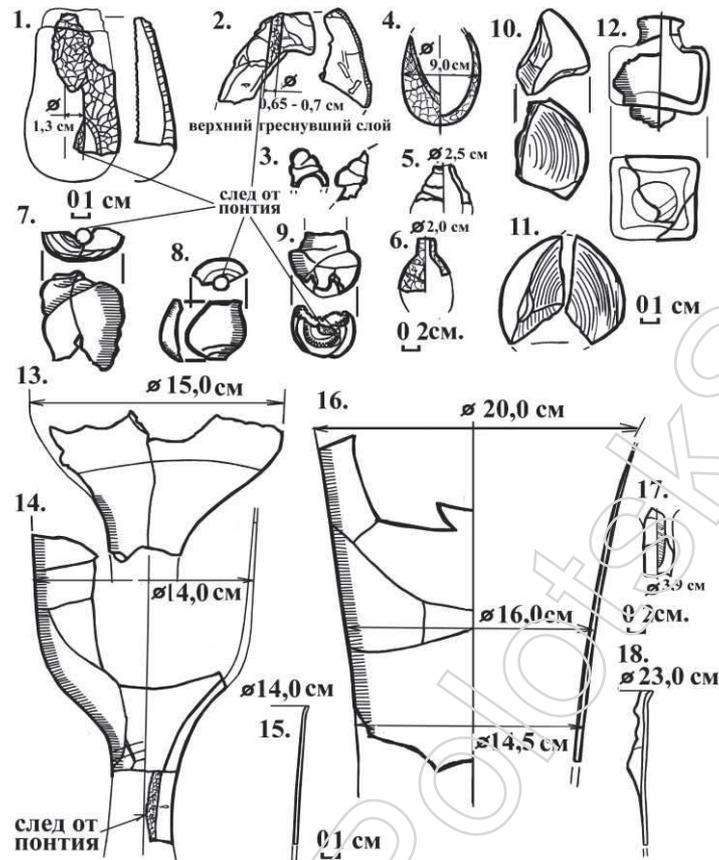

Рис. 3. Заготовки и полуфабрикаты из прослойки гуты:

1 – 9 стеклянные пузыри – «баночки», набранные для выдувания изделий; 10 и 11 – центральная часть набранных порций стекла с осыпавшейся поверхностью; 12 – заготовка для чернильницы; 13 – 18 – заготовки для чаш

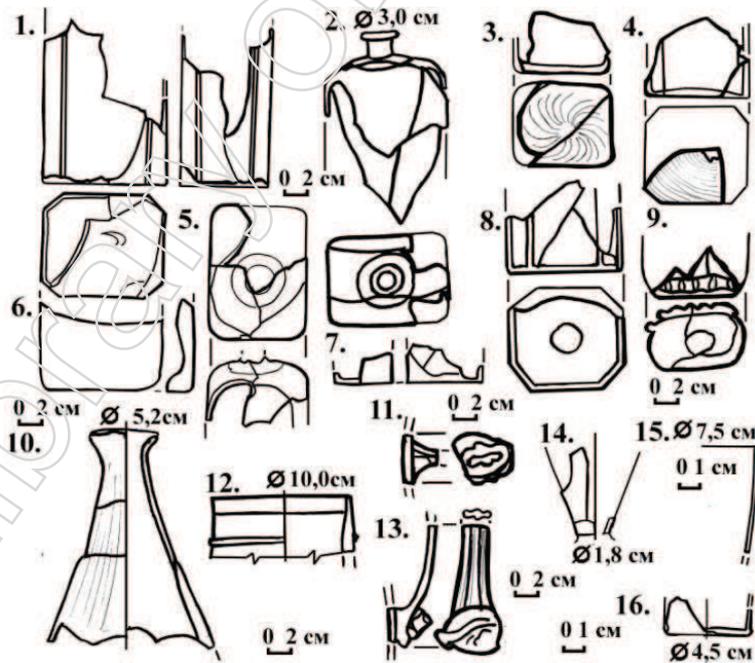

Рис. 4. Стеклянная посуда из гуты:

1 – 6, 8 – штофы; 7 – кварта, 9 – донце тарного (столового) сосуда); 10 – верх кувшина; 12 – реконструкция верха корчаги (?); 11, 13 – фрагменты ручек стеклянных кувшинов; 14 – бокал; 15, 16 – фрагменты стаканов

Кроме разнообразной посуды мастера производили оконное стекло. Обычно такое стекло было не очищенным от примесей окислов металлов и называлось «лесным», более характерным для лесных гут [43, с. 28]. Для остекления окон одного только костела требовались тысячи пластин. Оконное стекло производилось зеленым, травянистого цвета. Среди найденного материала обломки листов оконного стекла значительно преобладают над остальными находками. При этом основная масса находок – обрезки, имеющие оплавленные края, оставшиеся после вырезки пластин нужного формата. Это еще раз подтверждает, что появление в центре Полоцка гуты было связано прежде всего со строительством существующего ныне архитектурного ансамбля коллегиума.

Ассортимент продукции мастерской был довольно обширным.

Наиболее интересным артефактом была найденная нами заготовка чернильницы (?) – низкий четырехугольный в плане сосуд, имеющий явные следы недоработки. По внешнему виду он напоминает низкую кварту или штоф. Последние отличались практически горизонтальными плечиками и плоским дном, имевшим незначительный след от понтии [43, с. 7; 44, с. 352]. В плане квадратный. Высота изделия почти одинаковая с длиной стенок 5,5 и 5,7 см. В месте установки на дне понтии имеется массивный налп несрезанного комка стекломассы для упора понтии. Низкие стенки изделия завершаются округлыми плечиками, что дает ему устойчивость. Горло сосуда, как и у кварт, изготавливалось отдельно (набиралось стеклодувной трубкой на «баночку») [43, с. 27] и потом соединялось с заготовкой тулова на уровне плечиков, образовав на их поверхности кольцевидное углубление. Толщина стенок и плечиков чернильницы значительная и доходит до 0,4 см, что также говорит о незавершенности ее обработки. К ней же, судя по всему, относится и короткое массивное горло с отогнутым шаровидным венчиком. Оно также имеет явные следы недоработки: стенки его кривые, край венчика неравномерной толщины (рис. 3: 12).

Большая часть обломков стеклянной посуды из гуты принадлежала штофам. Судя по обнаруженным фрагментам целые сосуды представляли собой четырехгранные, близкие в плане к квадрату, изделия около 7,1x9,2 см. На уровне практически горизонтальных плечиков около 9,2x7,0 см. Некоторые из найденных нами фрагментов штофов принадлежали бракованным сосудам. Их горла имеют значительное смещение в сторону от центра изделия. Часть из них имеют вогнутые углы и слегка вогнутое по центру дно. В плане это вытянутые прямоугольники 8,5x7,2 см. Высота – более 15 см. Отдельно вставленное горло имеют горизонтально отогнутый округлый край венчика. Его стык с туловом хорошо виден на плечиках. Находимые обломки штофов содержат в своих стенках крупные включения извести диаметром от 1,0 до 2,5 мм. Стекло этих изделий прозрачное, бесцветное и хорошо проваренное. За время пребывания в земле они совершенно не подверглись эрозии. Такое высокое качество может быть связано с предназначением этих изделий для изготовления лекарств в аптечной лаборатории, которая располагалась на углу ул. Ильинской и Безымянной (теперь ул. Стрелецкая) (рис. 4: 1, 2, 5, 6, 8) [41, с. 56 – 57].

К лабораторной посуде относятся и обломки тонкостенных чаш (?) диаметром от 14,0 до 25,0 м. Судя по склеенной стенке одной из них высота сосудов превышала 40 см. В прослойке были найдены обломки их заготовок, у которых не сформовано дно. Нижняя (донная) их часть в виде хвостовика, с массивными стенками и ясными следами недоработки с остатками следов понтии диаметром около 1,3 см и косоугольного рифления поверхности, образованного в результате быстрого вращения заготовки. Край венчика округлый и отогнут наружу, стенки вертикальные. Стекло данных изделий также высокого качества, практически бесцветное, с зеленоватым оттенком, с вкраплениями извести (рис. 3: 13 – 18).

Тарной посуды из бесцветного стекла найдено мало. Среди нее уже были указаны фрагменты штофов с округлыми и скошенными углами, донце фляги (?) с налпным рифленным жгутом по краю (рис. 4: 1 – 8). Последняя могла быть индивидуальным заказом.

К столовой посуде из слоя боя, оставшегося от гуты, необходимо отнести фрагменты тонкостенных стаканов из бесцветного прозрачного стекла. В отличие от лабораторной посуды стекло для них было худшего качества и покрылось тонкой патиной. Обломки найденных сосудов показали, что это были плоскодонные изделия со следами понтии и слабовыраженной конической формой. Край их венчика слегка отклоненный и округлый. Донце имеет слабовыраженные следы понтии. Фрагменты подобных изделий были найдены нами на корпусах коллегиума. Форма стаканов близка к современной – практически цилиндрические с плоским дном со следами от понтии и округлым венчиком. Именно такие изделия будут преобладать в начале XIX в. Эти прозрачные стаканы очень точно отражены на картинах И. Хруцкого (рис. 4: 15 – 16). Фрагменты подобных сосудов, только больших размеров, встречены также и в Полоцке, в слоях конца XVIII – начала XIX вв. Некоторые из них имеют гравировку в виде растительного или геометрического орнаментов. В связи с этими находками необходимо упомянуть фрагмент уникального стакана, найденный в слое с артефактами второй половины XVIII – начала XIX вв. на проспекте Ф. Скарины, д. 18, в 2013 г. На стенке сосуда алмазной иглой [43, с. 53 – 54] выгравирована монограмма

иезуитского ордена [45, с. 90]. Не исключено, что местом производства этого стакана была гута помещиков иезуитов (рис. 8: 9).

Небольшой обломок конического изделия мог принадлежать бокалу или рюмке (близняку?) конической формы на широкой стопе. Она, как и стаканы, имела бесцветное стекло (рис. 4: 14).

Из «лесного» и синезеленого стекла посуды обнаружено довольно мало. В прослойке были встречены фрагменты ручек от кувшинов из синезеленого полупрозрачного стекла (рис. 4: 11 – 13). Судя по найденным фрагментам, это были толстостенные изделия с широким горлом. Аналоги им известны среди материалов Мстиславля, где была выявлена гута XVII в. кармелитского монастыря [42, с. 84]. Были найдены и обломки корчаг (?) – фрагменты горлышек еще большего диаметра, найденные как в гуте, так и мусоре на своде бывшего двухэтажного амбара, расположенного в составе производственного комплекса. Он был возведен в 1780 г. на месте гуты. Оба фрагмента имеют наlepной валик, за счет которого горло изделия было удобно обматывать и обвязывать при закупорке деревянной крышкой, обернутой сверху тканью. Находки обломков от одинаковых сосудов указывают на то, что либо производство этих изделий было возобновлено после переноса гуты на новое место, либо посуда осталась от периода существования мастерской. Кварты из «лесного» стекла представлены только обломком вогнутого донца со следом от понтиты, которое было очень плохого качества (рис. 4: 12; 8: 7).

К тарной посуде относятся и обломки толстостенных сосудов, некоторые имели вид бутылей с коническим прямым горлом (рис. 4: 10). У них, как и у упомянутых выше штофов из бесцветного стекла, горло было изготовлено отдельно и вставлено в тулово.

Кроме найденной стеклянной посуды в гуте изготавливали и оконное стекло. В прослойке, оставшейся после гуты, было собрано огромное количество стеклянных пластин (рис. 5). Основная масса их являлась обрезками от стеклянных листов толщиной от 1 до 3,5 мм. Они имели оплавленные в огне при изготовлении края и следы изгиба при распрямлении. Обнаружение подобных находок свидетельствует, что помещики иезуиты делали оконное стекло либо «хольным» способом, либо по французской технологии [43, с. 28, 62]. В первом случае будущий стеклянный лист вырезали из цилиндра и, распрямив на плите на железном листе, закаляли в печи. По французской технологии, которая распространилась на землях Речи Посполитой с 1756 г., предусматривался разлив стеклянной горячей массы на столы с бортиками, образующими лоток. После чего данный лист закаляли и шлифовали песком или мягким деревом и тканью. Применение различных способов изготовления оконного стекла объясняет и разное качество поверхностей обломков, найденных в прослойке от гуты. При закалке края его немного оплавливались.

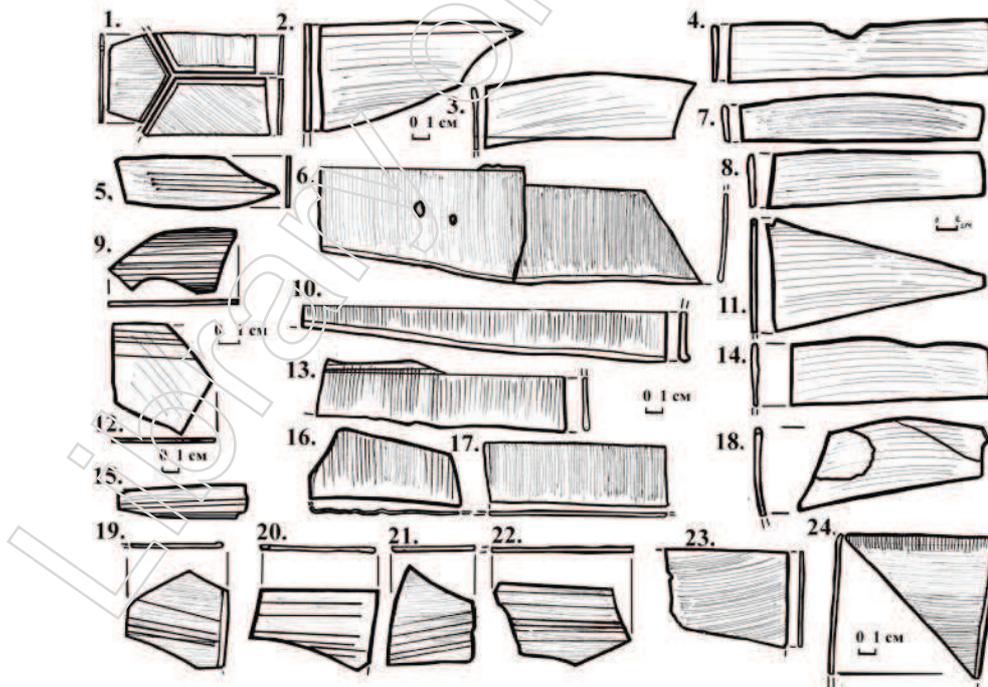

Рис. 5. Оконное стекло из гуты:

1 – фрагменты шестигранных пластин с реконструкцией их размещения;
2, 3, 5, 6, 9, 12, 15, 19 – 22 – следы стеклореза на пластинах; 4, 6 – 18 – обрезки стеклянных листов

Находки толстых оконных стекол свидетельствуют, что некоторые окна зданий могли не иметь свинцовых переплетов. Изготовленные гутниками стеклянные листы могли целиком вставляться в деревянные рамы. В мемуарах XVIII в. подобное стекло называлось «цъмяным» и упоминалось при описании жилищ небогатых горожан. Скорее всего, именно толстые стеклянные листы делали «холявным» способом. Фрагменты оконных стекол подобной толщины найдены нами в развале деревянной постройки, прилегающей к Домику Петра Первого, датированной началом – серединой XVII вв. [46, с. 403, 412]. При этом замечено, что из стеклянных листов толщиной более 2,0 – 3,0 мм (нередко она доходила до 4,0 мм) пластинок для вставки в свинцовую оправу практически не вырезалось. Толщина пластин, имевших следы свинцовых переплетов, не превышает 2,5 – 3,0 мм. Большинство находок из слоя от гуты коллегіума – это обрезки краев данных листов, образованных при вырезке оконных пластин. Их противоположный оплавленной кромке край был абсолютно ровным. Некоторые экземпляры имели по несколько линий надрезов. Они располагались как у края пластины, так и на ее средней части (рис. 5: 4, 6 – 8; 10, 11; 13; 14; 16 – 18).

Обнаруженные нами обломки стеклянных листов свидетельствуют, что из них вырезались прямоугольные пластины длиной от 15,0 до 20,0 см и шириной от 7,0 до 15,0 см. Нами не найдено ни одной толстой пластины со следами свинцовой оправы или стеклореза. Каждый стеклянный лист изначально был рассчитан на вырезку от 4 до 6 подобных пластин. Лекальные и прямоугольные пластины для вставки в свинец были толщиной от 1,0 до 3,0 мм, об этом говорят находки стекла с большим количеством порезов от стеклореза (рис. 4: 5, 9, 12; 15, 19 – 24). Кроме традиционного зеленого («лесного») среди оконного стекла обнаружены и единичные экземпляры бесцветного.

Там же, в гуте, велся и ремонт старых оконных заполнений. Среди найденных обломков оконного стекла некоторые из них имеют отпечатки свинцовой оправы. Судя по найденным фрагментам, эти осколки принадлежали шестигранным пластинам, которые могли образовывать рисунок свинцовых переплетов в виде пчелиных сот (рис. 4: 1).

Найденные обломки оконного стекла, как и заготовки листов, в основном были различных оттенков зеленого цвета, с характерной для него неочищенностью и полупрозрачностью массы. В XVIII в., особенно с появлением первых мануфактур, качество и чистота стекломассы значительно улучшились. Гутниками производилось как прозрачное стекло с различными оттенками зеленого, желтого и коричневого цветов, так и абсолютно бесцветное. В найденной гуте было представлено стекло как «лесное», так и чистое. Нами найдены и единичные фрагменты бесцветного стекла. Кроме стеклянного материала в данной прослойке были обнаружены обломки гладких зеленоглазурированных изразцов, фрагмент изразца с нишей и фаянсовой пиалы (?) с кобальтовой росписью. Данные артефакты, как и строительство к 1780 г. на месте гуты производственного комплекса на западной и северной границе коллегіума, позволяют датировать время существования данной мастерской началом – третьей четвертью XVIII в., поскольку на планах Полоцка 1778 г. очертания производственного комплекса уже четко зафиксированы. Можно полагать, что к моменту их составления гуты уже не было [47, с. 170; рис. 102, 171; рис. 103, 274; рис. 188; 276; рис. 290].

Характер находок и обилие заготовок позволяют полагать, что работа гуты была прервана каким-то катаклизмом (скорее всего, пожаром), при котором мастера должны были быстро покинуть объект, фактически бросив работу на различных стадиях технологического процесса (от набора «баночки» до полуфабрикатов чаш и и чернильницы) (рис. 3).

После гибели гуты, новая стекольная мастерская, скорее всего, была устроена в одном из иезуитских фольварков. Одним из таких мест мог быть фольварк Спас, основанный на базе древнего Спасо-Евфросиниевского монастыря. Он использовался орденом не только в качестве места отдыха и укрытия в случае войн и эпидемий, но и как мощный производственный комплекс, где располагались часть предприятий и мануфактур, обслуживавших коллегіум. Там, в частности, имелись суконная мануфактура и лесопильня [48, с. 65]. Она, как и прилегающий к фольварку лес, могла являться источником сырья для получения необходимых компонентов стекла, дров для печи. Этот же фольварк сохранился за иезуитами после запрета ордена в Европе в 1773 г. К тому времени (приезде Екатерины II в 1780 г.) «...в губернии основаны заводы стеклянные, кожевенные и поташные...». В самом Полоцке в 1786 г. упоминается четыре стекодела [45, с. 180]. Эти мастера непосредственно обслуживали нужды горожан. С этого времени производство стекла в Полоцке резко возросло. Часть изделий в город могла поступать как из мануфактур Уречья и Налибок, так и из частных гут, расположенных на фольварках. Исходя из этого только часть находимых в Полоцке стеклянных артефактов можно увязать с гутой иезуитского коллегіума. Окончательно на данный вопрос ответят спектральное и химическое исследование имеющихся образцов.

Изолированность и закрытость Полоцкого иезуитского коллегіума, стремление иезуитов к самодостаточности позволяют считать, что большинство находимых на территории и этажах зданий изделий из стекла произведены самими иезуитами.

При изучении бывшего склада корпуса «Г» (ауд. 102) в тайниках были обнаружены практически целые пластины оконного стекла. Большинство из них прямоугольные 20,0x15,0 см ±0,5 мм. Найдены и лекальные изделия в виде треугольников и четырехугольников с округлым краем [1 – 6; 11 – 16]. Они предназначались для заполнения оконных фрагментов (возможно, окон коридора). Все найденные нами изделия имели следы свинцовых переплетов. Фрагменты подобных стекол найдены на корпусе «А» и «Б» (рис. 6: 1 – 16, 7, 9) [40, с. 318, 320]. Изготовление заполнения рам, собранных на свинцовых переплетах, сохранялось до 1820 г., времени изгнания иезуитов из Полоцка. В частности, в Инвентаре 1820 г., указано, что в костеле Св. Стефана было „okien w kopule 14, niżej 15 z szybkami w ołowiu osadzonymi” [49, s. 5]. Не исключено, что здесь применялись пластины большего формата, как это было в Могилеве в костеле св. Станислава [50, с. 31 – 32].

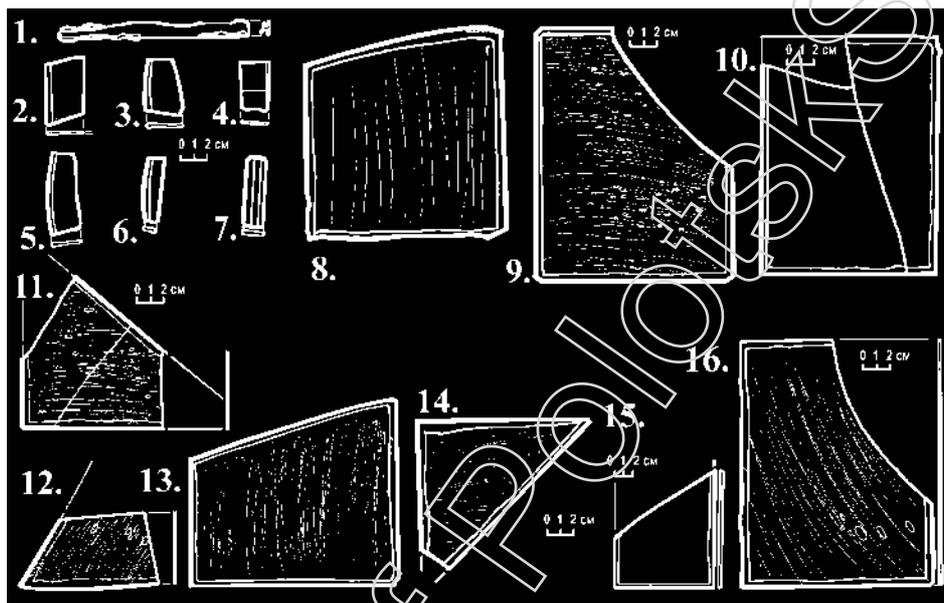

Рис. 6. Фрагменты оконного стекла и свинцового переплета из корпусов «А» и «Г»:
1 – свинцовый переплет; 2 – 7 – срезы краев стеклянных листов после вырезки пластин;
8 – 16 целые и фрагментированные оконные пластины стекла

В бывшем складе при иезуитской кухне (ныне ауд. 107) под полом в одной из ниш были найдены и обломки оконного стекла со следами стеклореза. Среди фрагментов – как зеленые, так и бесцветные экземпляры. Данная находка позволяет полагать, что часть оконных рам могла ремонтироваться непосредственно на месте и здесь мог быть склад оконных листов для вырезки пластин необходимых размеров и формы [40, с. 320].

Среди стеклянной посуды, найденной в корпусах коллегиума, интерес представляют небольшие конические стаканы с горизонтально отогнутым краем венчика. Высота их – от 8,5 до 10 см, в этих же пределах колеблется и их диаметр. Большинство сосудов найдено на своде в бывшей иезуитской библиотеке в корпусе «Б» – пять экземпляров были собраны практически полностью (рис. 7: 1 – 5). [33 – 37]. Все изделия изготовлены из зеленого прозрачного стекла с обилием пузырьков. Последние использованы как декоративный элемент. На вогнутом дне следы понтии. Неудобство для питья из этих посуды позволяет считать, что они использовались как лампадки. Возможно, их еще называли «шкаликами» и именно они упоминаются в описании посещения Полоцка императрицей Екатериной Второй. В описании визита императрицы Без-Корниловичем указано, что «... в монастыре и Конвикте у Иезуитов в окнах 3-го этажа стояли разноцветные пирамиды, на которых шкалики и фонари были прикреплены и повешены весьма красиво и разнообразно ... народ толпился на площади и вокруг костела Иезуитов, которого фасад, подъезд и окна великолепно были освещены разноцветными шкаликами...» [51, с. 96 – 97]. Подобные сосуды найдены и в других корпусах, но там они представлены небольшими фрагментами [40, с. 318] (рис. 7: 6 – 7).

Иные виды стеклянной посуды, найденные в корпусах коллегиума, представлены значительно беднее.

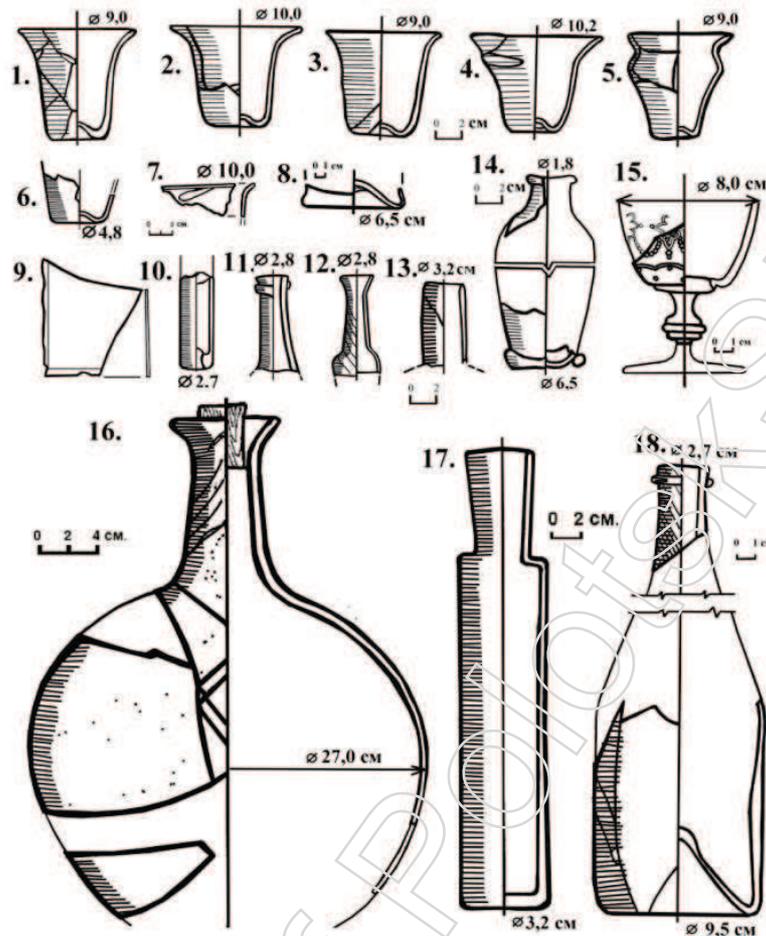

Рис. 7. Фрагменты оконного стекла и посуды из корпусов «А», «Б», «В», «Г»

В бывшей библиотеке на корпусе «Б» была найдена нижняя часть сосуда и обломок от его горлышка. Изделие выполнено из синезеленого стекла. Дно его имеет налипной жгут для улучшения устойчивости. Скорее всего, это чернильница второй половины XVIII – начала XIX вв. (рис. 7: 14) [38].

Интересные находки выявлены в заполнении фундамента печи (плиты?), построенной при кадетах в угловой келье первого этажа на корпусе «А». Они оказались с мусором после 1831 г. при перестройке колледжума под кадетский корпус. Там были обломки лапад [21, 22], аналогичных тем, что найдены на корпусе «Б», пластин оконного стекла с отпечатками свинцовых переплетов [40, с 318]. Наибольший интерес представляет верхняя часть сосуда, похожего на миниатюрную колбу. Ее венчик расширяется в виде раструба, далее следует коническое горло и округлые плечики [17]. Там же обнаружены нижние части сосудов (бутылок?), толстостенные, с цилиндрическим туловом и массивным, сильно выгнутым или литым, донцем толщиной около 1 см, без следов понтии. Такие изделия выполняли путем заливки стекломассы в форму [18, 19]. Найдено было также горло зеленой бутылки с налипным валиком под краем горла [20]. Датировать эти изделия можно широко – в пределах второй половины XVIII – начала XIX вв. (рис. 4: 10 – 12).

В песке под полом того же помещения собраны обломки большого колбовидного сосуда из голубого стекла. Профиль его горла аналогичен находке с фундамента печи: венчик в форме раструба, шея горла конической формы. Тулово сосуда шаровидное, возможно, имело донце с налипным жгутом. В горле сохранилась деревянная пробка. Датировать эти изделия можно широко – в пределах второй половины XVIII – начала XIX вв. (рис. 7: 16).

При изучении засыпки свода под лестницей корпуса «Г» была найдена целая цилиндрическая бутылка. Это аптечный сосуд цилиндрической формы вытянутых пропорций. Горло в виде раструба. Стекло с бирюзовым оттенком, поверхность изделия затерта. Дно абсолютно плоское, следов понтии не имеет. Это позволяет полагать, что его выдували в форму [7]. Датировать это изделие можно широко – в пределах конца XVIII – начала XIX вв. (рис. 7: 17).

Находки из «старого коллегиума» (корпуса «В») также немногочисленны. В заполнении топки от печи гипокауста был обнаружен фрагмент горла сосуда – толстостенный, с резким переходом к плечикам. Вероятно, это колба. Под полом коридора в засыпке подполья найдены доньшки небольших сосудов. Определить их первоначальный вид и назначение сложно. При исследовании засыпки свода второго этажа под «теплыми полами» были найдены фрагменты бутылки с сильно вогнутым донцем, пологими плечиками и высоким коническим горлом, оформленным наlepным жгутом (рис. 7: 8, 13, 18).

При расчистке топки для каналов «теплого пола» на корпусе «Ж» также были найдены горло и стенка от бутылки и нижняя часть небольшого сосуда из прозрачного стекла с бирюзовым оттенком (рис. 8: 3 и 4).

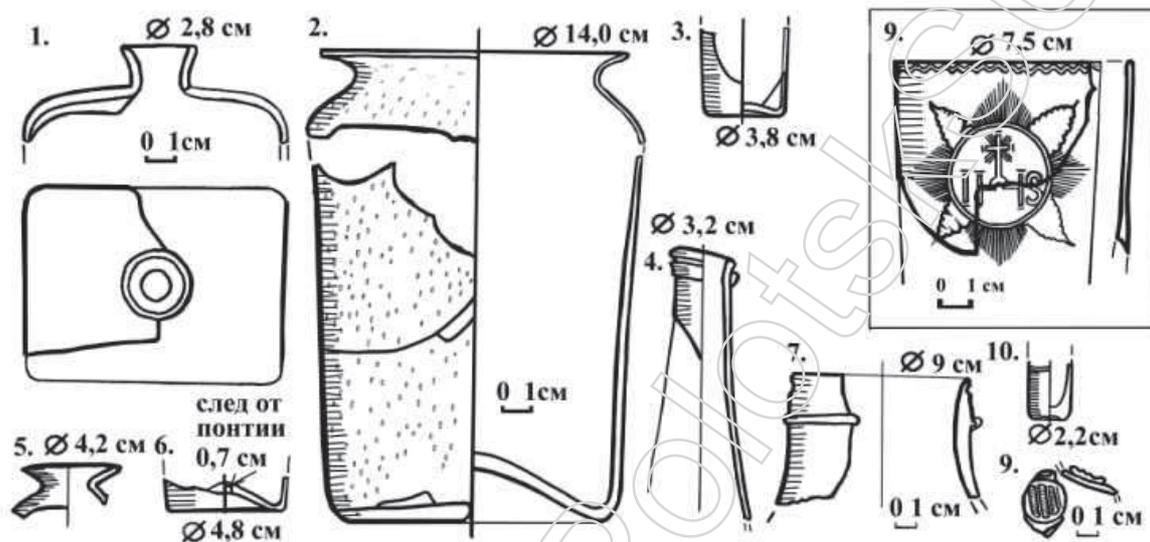

Рис. 8: 1 – 8 – находки с корпусов «З» и «Ж» из развала аптечной лаборатории и проспекта Ф. Скорины, 18; 10 – клеймо от сосуда (найдено возле корпуса «В»)

При земляных работах возле развала аптечной лаборатории (стояла на месте сквера между корпусами «Ж» и «З») был прослежен слой выброса строительного мусора из здания с его западной и северной сторон. Он образовался при перестройке коллегиума под кадетский корпус. В нем также были найдены обломки стеклянных сосудов. Интерес представляют верхняя часть кварты из прозрачного бесцветного стекла с коническим воронкообразным горлом, фрагменты сосудов (лампадок?) из желтого и голубого стекла (рис. 8: 5, 6).

Среди находок на территории коллегиума материалы времен иезуитов второй половины XVIII – начала XIX вв. выделить довольно сложно из-за перемешанности пластов. Не исключено, что при пиарах и на раннем этапе существования Полоцкого кадетского корпуса некоторые сосуды, оставшиеся от иезуитов и пиаров, продолжали бытовать и у новых владельцев. В разрушенной части «скромного коллегиума» был обнаружен фрагмент сосуда с массивным заливным дном. Судя по сохранившимся стенкам, это флакон или пробирка (?) (рис. 8: 8).

К сосудам подобного типа можно отнести и банку, изготовленную из зеленого, насыщенного пузырьками стекла. Крупные обломки банки были обнаружены на карнизе корпуса «Ж». Возле мауэрлата, положенного между 1831 – 1835 гг. при перестройке коллегиума под кадетский корпус. Венчик банки плавно отогнут наружу и имеет высокую шейку, плечики округлые. Стенки сосуда почти цилиндрические, донце вогнутое, коническое, со следами понтии. Диаметр изделия – около 14 см, высота – не менее 20 см (рис. 8: 2).

К подобным вещам можно отнести и рюмку с полихромной росписью. Чашечка сосуда конической формы со слегка округлыми стенками. Ножка с разделительной балясинкой. Стекло изделия бесцветное, хорошо очищенное и прозрачное. Лицевая поверхность затерта и имеет матовый цвет. Роспись представлена геометрическим орнаментом белой краской (эмалью?). Низ чашечки до начала ножки покрывает полупрозрачная бирюзовая краска, которая частично осыпалась. В белую роспись включены элементы позолоты или бронзы. Изделие могло быть импортным или привозным из мануфактур Налибок и Уречья, поскольку оно имеет сходные элементы декора [43, с. 52]. Датировать его можно концом XVIII – началом XIX вв. (рис. 7: 15).

В конце XVIII – начале XIX вв. происходят изменения и в изготовлении листового стекла. Появляется чистое стекло, хорошо известное по мемуарной литературе. Пластины стекла делались бесцветными и очень тонкими, нередко насыщенными воздушными пузырьками. Они уже вставлялись в деревянный переплет. Найденные детали позволяют полагать, что стекла иезуитского коллегиума представляли собой пластины около 28x28 см (рис. 9) [52, с. 83, 95: мал 8]. Именно такое стекло позднее получило распространение в окнах Полоцкого кадетского корпуса после перестройки зданий 1831 – 1835 гг. Одна из таких рам сохранилась в пристройке к Николаевскому собору и зафиксирована на фотографии [53, с. 29].

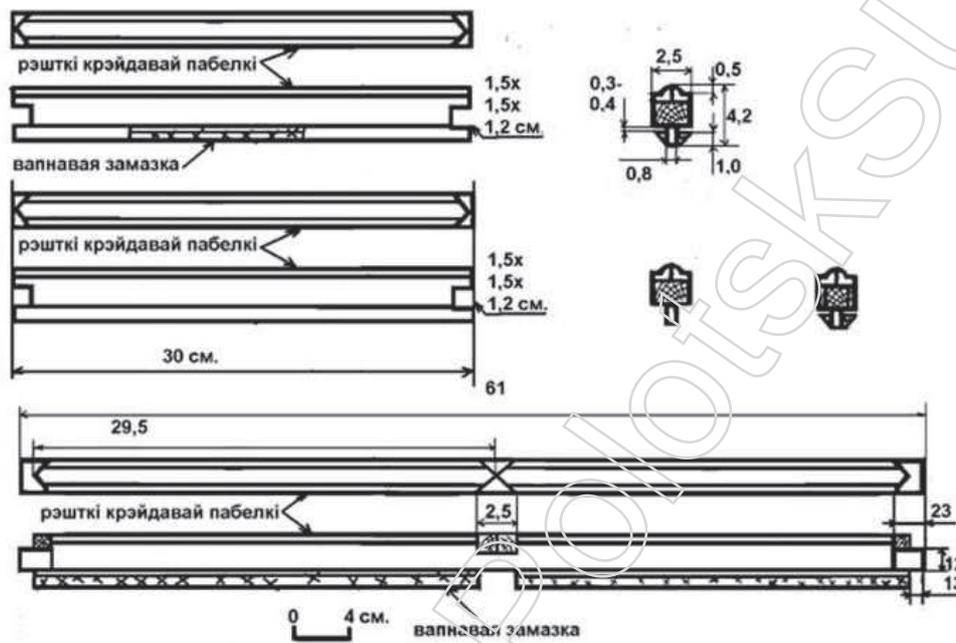

Рис. 9. Переплеты конца XVIII – начала XIX вв. из завала на чердаке корпуса «А»

Среди стеклянного материала полоцких иезуитов практически не обнаружено изделий с клеймами. Исключением является стенка сосуда с наклепным клеймом в виде рифления. Судя по найденному обломку, он мог принадлежать бутылке из бесцветного стекла. Это может указывать на то, что иезуиты отдавали предпочтение продукции своих мастерских и могли производить изделия любого уровня сложности, поэтому клеймить их не было большой нужды. Датировать его также можно в пределах второй половины XVIII – начала XIX вв.

Изучение зданий и территории Полоцкого иезуитского коллегиума дало богатый материал не только по ассортименту, но и по способам производства стеклянных изделий. Многие из описанных здесь предметов из стекла оказались практически целыми либо почти полностью собранными. На протяжении нескольких столетий Полоцкий иезуитский коллегиум был крупным культурным и производственным центром, где велась подготовка квалифицированных специалистов разных специальностей, в т.ч. и стеклоделов. Устройство на территории коллегиума в центре города гуты позволяет полагать, что она могла не только обеспечивать строительные и бытовые нужды коллегиума, но и была важным звеном в обучении молодых специалистов. Находки полуфабрикатов и изделий из высококачественного стекла есть свидетельство высокой квалификации работавших здесь мастеров.

При разборке иезуитами найденной нами гуты для строительства к 1780 г. производственного комплекса, часть которого сохранилась поныне, мастерскую, возможно, устроили в одном из сараев близ конюшен (правда, в Инвентарях 1807 и 1820 гг. стекольная мастерская не упоминается) или в фольварке Спас. Последнее обстоятельство было связано как с продолжавшимся активным иезуитским строительством, так и с научной и творческой деятельностью знаменитого ученого Габриэля Груббера. Именно при нем учениками и профессорами коллегиума были созданы многие научные приборы и машины, для которых требовались стеклянные элементы и детали (например, оптические линзы для физических и химических приборов, разнообразные призмы и глазные яблоки для говорящей головы, различная химическая и бытовая посуда). Качество иезуитской стеклянной продукции оказалось настолько великолепным, что многие из научных приборов, где она употреблялась, позднее использовались Полоцким кадетским корпусом [54, с. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. НПИКМЗ КП 19 – 23591 прямоуг пласт.
2. НПИКМЗ КП 19 – 23592 прямоугодльгая пластина.
3. НПИКМЗ КП 19 – 23593 лекальная пластина.
4. НПИКМЗ КП 19 – 23594 треугодльгая пластина.
5. НПИКМЗ КП 19 – 23595 свинц перепл.
6. НПИКМЗ КП 19 – 23596 лекальная пластина.
7. НПИКМЗ КП 20 – 26506 длинная бутылка.
8. НПИКМЗ квф 5 4666 стакан полный проф 17 – 18 вв.
9. НПИКМЗ квф 5 4667 стакан с налпным жгутом 17 вв.
10. НПИКМЗ квф 5 4668 стакан с налпным жгутом эмалевоу росписью 17 вв.
11. НПИКМЗ квф 5 5568 / 1 треугодльн пласт.
12. НПИКМЗ квф 5 5568 / 2 треугодльн пласт.
13. НПИКМЗ квф 5 5570 полов прям пласт.
14. НПИКМЗ квф 5 5571 полов прям пласт.
15. НПИКМЗ квф 5 5567/1 прямоуг пласт.
16. НПИКМЗ квф 5 5567/2 прямоуг пласт.
17. НПИКМЗ квф 5 5572 колба.
18. НПИКМЗ квф 5 5573 литая бутылка.
19. НПИКМЗ квф 5 5574 литая бутылка.
20. НПИКМЗ квф 5 5575 горло бутылки.
21. НПИКМЗ квф 5 5576 венчсик лампадки.
22. НПИКМЗ квф 5 5577 донце лампадки.
23. НПИКМЗ квф 5 5578 стекло с надрезами.
24. НПИКМЗ квф 5 5579 стекло с надрезами.
25. НПИКМЗ квф 5 5580 стекло с надрезами.
26. НПИКМЗ квф 5 5581 стекло с надрезами.
27. НПИКМЗ квф 5 5582 стекло с надрезами.
28. НПИКМЗ квф 5 5583 стекло с надрезами.
29. НПИКМЗ квф 5 5584 стекло с надрезами.
30. НПИКМЗ квф 5 5585 стекло с надрезами.
31. НПИКМЗ квф 5 5586/1 колбовид бут.
32. НПИКМЗ квф 5 5586/2 колбовид бут.
33. НПИКМЗ квф 5 8039 лампада.
34. НПИКМЗ квф 5 8040 лампада.
35. НПИКМЗ квф 5 8041 лампада.
36. НПИКМЗ квф 5 8042 лампада.
37. НПИКМЗ квф 5 8043 лампада.
38. НПИКМЗ квф 5 8044 чернильн.
39. Салаўеў, А.А. Вынікі натурных даследванняў на другім і трэцім паверхах корпуса «А» Полацкага езуіцкага калегіума пад час яго мадэрнізацыі / А.А. Салаўеў // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2006 г.). – Полацк, 2004. С. 33 – 62.
40. Салаўеў, А.А. Вынікі натурных даследванняў на першым паверсе карпусоў «А» і «Г» Полацкага езуіцкага калегіума падчас рамонтна-рэстаўрацыйных работ / А.А. Салаўеў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы V міжнар. навук. канф. (24 – 25 кастрычніка 2007 г.). – Полацк: НПИКМЗ, 2009. С. 316 – 336.
41. Соловьев, А.А. Полоцкий иезуитский коллегіум в ретроспективе (1581 – 1914): Архитектурно-археологический очерк / А.А. Салаўеў. – Полоцк.
42. Ягіцкея, М.М. Мсціслаўскае шкло XVI – XIX стст. / М.М. Ягіцкея // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 208 с., іл. – С. 83 – 93.
43. Явіцкая, М.М. Гісторыя шклянай вяселкі: кн. для вучняў / М.М. Ягіцкея. – Мінск, 1986.
44. АБ, 2001. Т. 4. Помнікі XIV – XVIII стст.
45. Дук, Д.У. Полацк XVI – XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк, 2007.
46. Соловьев, А.А. Архитектурно-археологическое исследование дома № 33 по ул. Нижне-Покровская в ходе ремонтно-реставрационных работ / А.А. Соловьев // Полацкі музейны штогоднік : зб. навук. арт. за 2011 г.) / уклад. Т.А. Джумантаева, І.П. Воднева, С.В. Нікалаева. – Полацк. С. 304 – 333.
47. Чантурыя, Ю.В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX вв.: Средневековое наследие. Ренессанс. Барокко. Классицизм / Ю.В. Чантурыя. – Мінск, 2005.
48. Гліннік, В.В. Да гісторыі будаўнічай актыўнасці полацкіх іезуітаў у фальварку Спас / В.В. Гліннік // Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПИКМЗ, 2003. – С. 64 – 73.
49. APM 1326 Kopia z oryginały znajdującego się w ARSI sporządzona przez ks. Tomasza WALLA TJ 1 TV 1907 OPISY I INWENTARZE KOLEGIUM POŁOCKIEGO skreslone w styczniu 1820 roku.

АРХЕАЛОГІЯ І ФІЗІЧНАЯ АНТРАПАЛОГІЯ

50. Гліннік, В.В. Ваконная шуфляда XVIII стагоддзя / В.В. Гліннік // Архитектура и строительство Беларуси. – 1993. – № 2. – С. 31 – 32.

51. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии / М.О. Без-Корнилович. – СПб., 1855 – 358 с.

52. Салаўеў, А.А. Археалагічнае вывучэнне паддашша корпусаў «А» і «Г» / А.А. Салаўеў // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2007 г.). – Полацк: НПКМЗ, 2008. – С. 79 – 100.

53. Поляков, С.И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С.И. Поляков. – Полоцк, 2010. – (Наследие Полоцкой земли; вып. 12).

54. Викентьев, В.П. Полоцкий кадетский корпус (исторический очерк 75-летия его существования) / В.П. Викентьев. – Полоцк, 1910.

УДК 902:728.8

**ГОЛОВЧИНСКИЙ ЗАМОК В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1654 И 1708 ГГ.
(ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)****И.В. СПИРИН**

Институт истории НАН Беларуси, Минск

Приводятся результаты анализа Головчинского замка в контексте событий 1654 и 1708 гг. (по письменным и археологическим источникам). На данный момент неясно, функционировал ли Головчинский замок в 1708 г. как оборонительный комплекс. Однако установлено, что каменная постройка на северной стороне замковой площадки была уничтожена именно в начале XVIII в., скорее всего, в ходе описанных выше событий Северной войны.

Современный Головчин – небольшой агрогородок на территории Бельничского района Могилевской области. Средневековый Головчин – родовое гнездо князей Головчинских, чьим гербом был лебедь [16, с. 580]. А.К. Киркор утверждает, что сначала этот род жил в Ряполове, который относился к Суздальской земле, и его представители носили титул князей Ряполовских, а затем, то ли путем наследства по женской линии, то ли завоевав Головчин, стали князьями Головчинскими. Известно, что уже во второй половине XVI в. род придерживался протестантского вероисповедания, а в XVII в. угас, после чего Головчин достался сначала Пацам, а затем Слушкам [3, с. 411]. Издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» сообщает о том, что в начале XVI в. Головчин, или Головчино, принадлежало дочери Ивана III и супруге короля Александра королеве Елене Ивановне, после чего перешло к князьям Ряполовским, а далее – к князьям Головчинским [9, с. 479]; т.е. автор заметки не отождествлял эти два княжеских рода. По преданию, в XVII в. Головчин был процветающим поселением, в котором действовало до 100 кузниц и 15 христианских храмов [9, с. 479] (в дневнике Богуслава Радзивилла, который датируется 1647 г., называется 5 храмов [5]).

К своему несчастью, городу как минимум трижды приходилось становиться либо ареной, либо свидетелем сражений. Так, во время Русско-польской войны 1654 – 1667 гг. в 1654 г. сначала войска князя Трубецкого выбили из города солдат Януша Радзивилла, а затем, уже в декабре того же года войска последнего разбили здесь русский гарнизон. Во время Северной войны в 1708 г. рядом с Головчиным Карл XII форсировал Вабич, опрокинув русский заслон. Несмотря на некоторые расхождения относительно истории поселения в научной литературе широко распространено общее мнение [12, с. 149; 10, с. 35], что в ходе обеих войн город был сожжен, причем после второго раза так и не смог восстановить свое былое состояние. Интересно то, что ни М. Балиньский, ни А.К. Киркор о сожжении города и замка ничего не сообщают, хотя пишут о битвах. Так, М. Балиньский коротко сообщает о том, что в 1654 г. Януш Радзивилл побил здесь россиян, а в 1708 г. тоже самое сделал и Карл XII [16, с. 580]. А.К. Киркор вообще не упоминает о битве 1654 г., а касаясь 1708 г., говорит, что войска Карла XII одержали здесь победу над войсками Петра Великого, справедливо отмечая, что это была последняя победа шведского короля [3, с. 411]. К началу XX в. местечко насчитывало всего 1300 жителей, причем 600 из них были евреями. Из культовых учреждений действующей оставалась только одна церковь [9, с. 479].

Единственное известное нам описание Головчинского замка в современной научной литературе находится в книге М.А. Ткачева «Замкі і людзі» [12, с. 147 – 149]. Поскольку выполнено оно на основе немногочисленных письменных источников, составить себе по нему более-менее цельное представление о Головчинском замке невозможно.